

ПЕВЕЦ ДУШИ НАРОДНОЙ

В Москве состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память народного артиста СССР, лауреата Государственных премий, солиста Академического Большого театра СССР, нашего земляка Максима Дормидонтовича Михайлова. К дому № 15 по улице Горького, который возвышается рядом с Моссоветом, пришли артисты Большого театра, представители театральной и городской общности, родные и друзья знаменитого певца, чтобы почтить его память...

Вряд ли в нашей стране найдется такой человек, кто не знал бы этого выдающегося артиста. Если наши деды и отцы гордились тем, что им довелось видеть и слышать самого Шалаяпина, то нашему поколению посчастливилось видеть и слышать самого Михайлова. Прав был старейший чувашский композитор А. Тогаев из Марийского Посада, когда он, выражая мысли и чувства земляков, писал в письме к нему Михайлова такие строки: «Вы — гордость и слава всей страны и не меньше этого земли чувашской». Да, на земле чувашской родился в 1893 году будущий артист, когда она была окутана мраком невежества, бесправия и нищеты. В семье Михайловых едва хватало хлеба, чтобы прокормить пятнадцать ртов. Из шестерых детей Дормидонта Михайловича Максимка был самым младшим, но и он не знал радости детства. Позднее, рассказывая о своей жизни, Максим Дормидонтович скажет: «В детстве я много плакал... особенно летом, когда все взрослые уходили в поле на работу. Меня оставляли глуховатой соседке — старушке, которой, бывало, говорят: «Бабушка, Максимка плачет!», а она: «Ну и что же, пусть его орет, глотка будет шире». Вот и уже педагог наметился для постановки голоса», — с грустным юмором добавит он.

Человеком, который дал ему «путевку в жизнь», Максим Дормидонтович назовет учителя К. И. Поливанова. Большой любитель и знаток пения, он забрал одаренного мальчика к себе в Бельковскую второклассную школу Казанской губернии. Это за триста километров от Кольцовки, но Максимке показалось, что он очутился на краю света.

Поливанов делал все, чтобы развить его голос, дать музыкальное образование. Максим лет до шестнадцати пел тенором, а потом у него стал ломаться голос. Тогда-то учитель и «выставил» Максима из хора и вовсе запретил петь «до поры до времени», чем кровно обидел любимого солиста хора. А на следующий год Максим изумил всех, когда в хору стал гудеть, как жук. «Не голос, а иерихонская труба!» — часто повторял учитель, гордясь способным учеником...

После окончания второклассной школы Максим с товарищем подался в Казань, чтобы найти какую-нибудь работу. Здесь он попал в хор Морева, известного регента. На второй год его привели к преподавателю музыкального училища, бывшему тенору Ф. А. Ошустовичу. Перед Ошустовичем предстал невысокий, плохо одетый и тощий мальчик, и тот удивленно спросил: «А где же ваш бас?» Товарищи Максима ему говорят: «Вот он». «Он? В чем же его бас то держится?» А когда Максим запел, Ошустович удивленно воскликнул: «Да ты меня оглушишь! Встань-на, друг, подальше». Было решено, что Ошустович будет заниматься с Максимом постановкой голоса. Юноша ходил к нему на квартиру, посещал музыкальную школу и пел в монастырском хоре, чтобы иметь крышу над головой...

В двадцатых годах Михайлов пел в соборах и церквях самой Москвы. Здесь судьба его свела с великим писателем. Однажды на Тверской его остановил Максим Горький и заговорил с дружеской простотой.

— Уж больно хорош у вас голос, Максим Дормидонтович, — сказал Горький, со скрытым любопытством поглядывая на плотного, как дуб, длинноволосого бородастого человека. — Когда же в опере вас услышим?

— В опере? — переспросил Михайлов, вздрогнув от неожиданного вопроса, и наступила пауза.

— Русь-матушка породила не одного Шалаяпина, — продолжал Горький, предложив Михайлову возможность подумать над его вопросом. — Какой он самородок, а на чужбине пропадет! Знаю, тяжело ему... А вы, Максим Дормидонтович, слава богу, в России... Не пора ли вам из храма божьего в храм искусства перейти и всему народу послужить?

— Непростое это дело идти в артисты, — просто душно признался Михайлов. — Да и решиться трудно будет...

— Вам ли сомневаться, — в сердцах сказал Горький. —

встал у рояля и свободно запел песню Варяжского гостя. Только запел, как вдруг открывается занавес. Он увидел в зале публику, хоть и немногочисленную. Его словно подхлестнули, и он решил не ударить в грязь лицом. Пел вволю, с большим чувством. А растерялся и смутился тогда, когда раздался одобрительный аплодисменты. Композитор Ипполитов-Иванов и выдающаяся певица Нежданова говорили ему о том, что надо непременно поступить на радио. Но Михайлов все еще не решался.

Многое изменилось после встречи с А. Луначарским. Нарком говорил с певцом по-дружески, непринужденно. «Мы хотим показать ваш голос на весь Советский Союз. Вы будете петь для всего народа...» И убедил знаменитого российского продюсера стать артистом.

Другой не решился бы на такой шаг, но Михайлов, понявший дух нового времени и где-то в глубине души не расставившийся с мечтой юности стать профессиональным певцом, решил и дал слово служить большому искусству. Это было в 1931 году. Вскоре густой михайловский бас полюбил везде — от

театрального зала задержались артисты, в оркестровой яме — оркестранты, чтобы послушать легендарного певца. Когда Михайлов спел арию Руслана, раздался бурный аплодисменты. Вдруг заведующий оперной группой вскакивает с места и, удерживая усмешку на лице, произносит: «Товарищи, на пробе не разрешается аплодировать». Михайлов хорошо запомнил эту усмешку. Он спел еще несколько вещей с каким-то азартом. И снова раздался аплодисменты.

Прошло несколько дней, а артист и не справлялся, приняв он в Большой театр или нет. Встретил «грозу» Большого театра дирижер Н. С. Голованов и как следует отчитал: «Вы что, ждете из Большого театра карету за вами? Вы приняты. Вам уже зарплата идет, а вы не являетесь». Михайлову ничего не оставалось другого, как только поблагодарить дирижера за такое сообщение, а на другой день он уже переступил порог Большого театра как солист. Это было в ноябре 1932 года, когда ему шел сороковой год.

За свою долголетнюю работу в Большом театре Максим Дормидонтович Михайлов участвовал почти в полтора тысяч спектаклей. Он спел много партий. Это Варяжский гость в опере «Садко», Светозар в «Руслане и Людмиле», Гремлин в «Евгении Онегине», Мельник в «Русалке», Пимен в «Борисе Годунове», Иван Сусанин в одноименной опере, Чуб в «Черевичках», Кончак в «Князе Игоре» и др. Самой любимой была партия Сусанина, тяжелая и очень волнующая. Пришла она к нему нелегко, Сусанина, как известно, пели А. С. Пирогов, М. И. Рейзен, А. И. Батурин... Сусанин — любящий Родину и ненавидящий врагов, любящий отца — ради победы над врагами шел на верную смерть. Особенно волновала Михайлова сцена прощания с дочерью. Он пел проникновенно, величаво, с естественной простотой. Он создал своего Сусанина. И пропел около трехсот раз. Когда С. А. Самосуд спрашивали о разнице между Сусаниными Шалаяпина и Михайлова, известный дирижер отвечал, что Шалаяпин играл русского мужика и делал оперного Сусанина, а Михайлов так сливался с образом народного героя, будто его привезли на сцену Сусаниным.

С Сусаниным Михайлов ездил и на фронт, и по госпиталям, и по городам, разрушенным войной, вдохновляя защитников Родины на бессмертные подвиги и поддерживая дух людей. Я видел слезы на глазах у Максима Дормидонтовича, когда он читал письмо А. Краюхиной из Уфы, которое ему передали из редакции Всесоюзного радио. «Осеню 1943 года, — писала она ему, — я получила похоронную. Был страшный день в моей жизни. И вдруг слышу по радио вас. Вы пели арию Ивана Сусанина... Ваш голос сказал: живи, вдова... Вы меня заставили жить и растить детей». Можно ли лучше выразить, что значил для людей Максим Михайлов?

Человек богатырского духа, неумолимой энергии и самоотверженного труда, Михайлов делил радость и горе с народом. Он велик и талантом своим, и служением своему народу. В каких только краях не побывал певец души народной, выступая

перед людьми, которые, как праздника, ждали встречи с ним! Северный и Тихоокеанский флоты, колхозы Дальнего Востока и Чувашии, заводы Москвы и Донбасса. Выезжая во многие страны Европы и Азии, Михайлов приумножал славу советского музыкального искусства. Он побывал почти во всех социалистических странах, ездил в Италию, Норвегию, Индию, Австрию, Финляндию.

Самые строгие критики за границей сходились на том, что михайловский «бас-баритон» отличается силой и ровностью, которые редко встречаются. В Италии, на родине знаменитых певцов и знатоков пения, пресса восторженно писала: «Главным раскритиком вечера был бас М. Михайлов. Он самый русский... но главным образом русский из-за характеристики голоса, из-за своего живого духа исполнения, из-за силы колорита».

Дед Михайлов, потомственный хлебороб чувашской земли, даже и не мечтал, что его внук станет знаменитым певцом, которого признает мир.

Сколько бы я ни встречался с певцом, меня не переставала поражать его скромность. Однажды, просматривая архив Максима Дормидонтовича, я нашел среди сотен и сотен писем такие, в которых радиослушатели и читатели ставили его в один ряд с Шалаяпиным. Это письма Л. Кирт из Латвии, Н. Вожаевой из Печоры Псковской области, Б. Смирнова из Марийской АССР, П. Ядерного-Зенина из Воронежской области и др. Я сказал Максиму Дормидонтовичу, что прав Ядерный-Зенин, когда он пишет: «Я болел очень и не хвалю — это правда: вы равны с Шалаяпиным, и оба велики, неповторимы. Я рад, что земля умеет рождать таких великих артистов, как вы и Шалаяпин. Спасибо ей, спасибо и вам!».

— Я не могу быть равным с Шалаяпиным. Он великий певец...

— В таком случае, Максим Дормидонтович, — сказал я, — вот что пишет о вас в газете Большого театра народный артист СССР П. М. Норцов: «Максим Дормидонтович Михайлов — огромный природный талант, недостаточно понятый многими его современниками и, по скромности самого Максима Дормидонтовича, неосознанный даже им самим»...

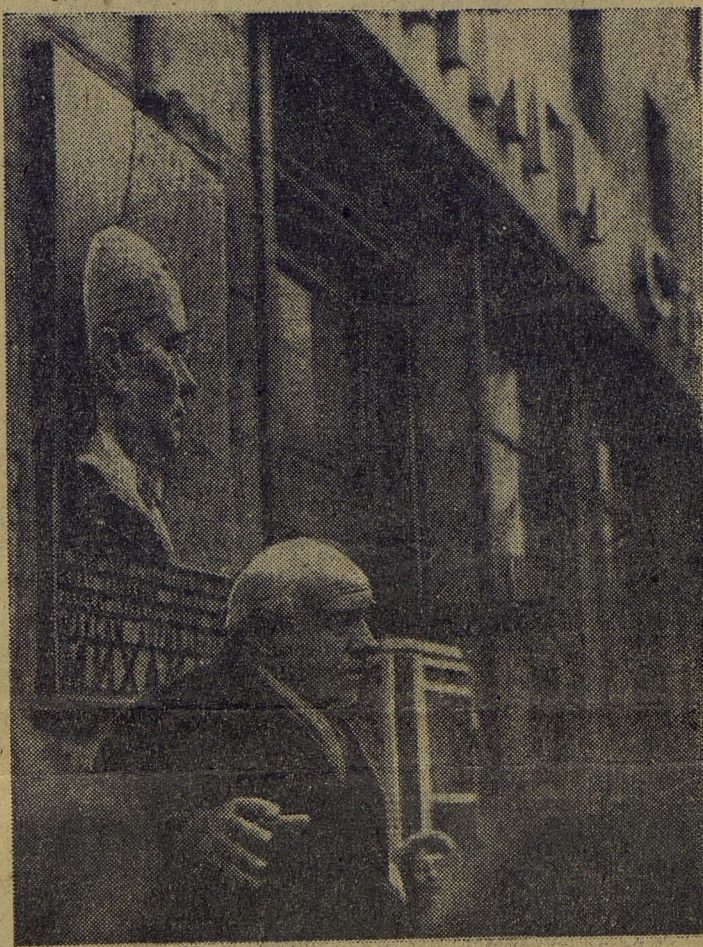
...Спадает покрывало, и взору собравшихся на торжественную церемонию открывается мемориальная доска: на сером граните — барельеф с изображением певца. Внизу высечена надпись: «В этом доме с 1940 года по 1971 год жил народный артист СССР лауреат Государственных премий Максим Дормидонтович Михайлов». (Авторы мемориальной доски скульптор В. Бобыль и архитектор С. Феоктистов).

Улица оживленная, и у мемориальной доски собралась большая толпа. Люди замерли, почтив память Михайлова. Перед ними выступили представители общности Москвы, Большого театра, друзья певца. Народный артист СССР И. С. Козловский, в частности, сказал:

— Максим Дормидонтович Михайлов был приглашен в Большой театр тогда, когда там пели выдающиеся басы. Чтобы среди них так выделиться, как Михайлов, значило быть великим певцом. Михайлов — это певец нашей эпохи. Наши потомки его не забудут, ибо великие люди не забываются.

Верно, весь не умер Михайлов: пока здравствует народ, породивший его, будет звучать михайловский бас, волнующий и восхищая благодарных слушателей.

Г. МИКУШКИН.

На сцене: на торжественном открытии мемориальной доски выступает народный артист СССР И. С. Козловский.

Фото Ю. Федорова.

Видать, вы сами не осознали еще, какой у вас редкий дар. Поверьте, из вас выйдет необыкновенный артист. С таким-то голосом, да сомневаться! Нужно будет — покажут, научат. Попробуйте, решитесь!

— Подумать надо, Алексей Максимович...

— Выйдет у вас! Весьма надеюсь услышать вас в опере. Хорошо бы.

Вскоре после этой встречи Михайлова пригласили в радио «на пробу». За ним приехали на машине. Михайлов поехал, но с условием, чтобы его не показывали публике, когда он будет петь. Ему обещали. На радио Михайлова попросили на сцену. Закрытый занавес, людей посторонних не видно. Михайлов был спокоен. Он

Белоруссии до Сахалина. На радио стали поступать многочисленные письма с просьбой повторить выступления Михайлова. И вдруг — приглашение явиться в Большой театр на пробу.

Он и обрадовался, и испугался, потому что понимал, что для такого храма искусства еще не приспособлен. Видя его нерешительность, товарищи ему говорили: «Видь, какой Шалаяпин! боится стыда, если его не примут. А вот наш один товарищ три раза пробовал в Большой театр. Не принял. Правда, не в солисти, а в артисты хора, и доволен до сих пор». Это подействовало, и Михайлов пошел в Большой театр.

Была репетиция, в зри-